

**Фронтовые письма словенских офицеров и солдат,
участвовавших в оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г.**

Кирилина Любовь Алексеевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Цитирование

Кирилина Л. А. Фронтовые письма словенских офицеров и солдат, участвовавших в оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 98–119.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

Статья поступила в редакцию 20.01.2026.

Рецензирование завершено 10.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматриваются еще малоизученные аспекты отношения словенцев к оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1878 г., а именно, анализируется содержание писем с фронта словенских офицеров и солдат. В центре внимания находятся главным образом письма, публиковавшиеся в августе – сентябре 1878 г. в органе словенских либералов газете «Словенски народ» («Slovenski narod»), также используется ряд других источников. В письмах словенцев с фронта поднимался широкий круг проблем: австро-венгерская политика того периода, ход оккупационной кампании, отношение словенских воинов австро-венгерских войск к христианскому (католическому и православному) населению Боснии и Герцеговины и к туркам, их бытовые тяготы и настроения, общие впечатления об оккупируемых областях и т. д. На основе этих писем автор выявляет некоторые особенности «европейского менталитета» словенцев, выразившиеся в их оценке происходящего, неприятии турецких традиций ведения войн и глубинной убежденности в непреодолимой пропасти между христианами и мусульманами. В письмах нет точного и полного описания событий, отсутствует их

серьезный анализ, однако по их содержанию можно судить о надеждах и стремлениях патриотически настроенных словенцев конца 1870-х гг., а также о специфике восприятия оккупации словенскими воинами австро-венгерской армии.

Ключевые слова

Австро-Венгрия, оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 г., австро-венгерская армия, словенские офицеры и солдаты, словенская либеральная газета «Словенски народ», католики, православные, мусульмане.

Отношение словенцев к оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины – тема, довольно подробно исследованная словенскими историками – В. Меликом и П. Луковичем в 1970–1980-е гг.¹, в начале 2000-х она нашла отражение в монографии Р. Стергара². Однако остается еще ряд ее аспектов, требующих более детального освещения и анализа. К ним можно отнести и письма с фронта словенских офицеров и солдат, публиковавшиеся в августе – сентябре 1878 г. в органе либералов и единственной в то время ежедневной словенской газете «Словенски народ» («Slovenski narod»), которые будут более подробно охарактеризованы в данной статье. Эти свидетельства словенских воинов непосредственно с места событий мы сочли возможным дополнить некоторыми соответствующими содержанию писем материалами из труда Ернея Андрейки «Словенские парни в Боснии и Герцеговине в 1878 г.»³, изданной в Клагенфурте / Целовце в 1904 г., незадолго до аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Эта книга, основанная на дневниковых записях Андрейки, воспоминаниях словенцев – участников военной кампании, на официальных источниках и немецкоязычной литературе, и по сей день остается наиболее полным исследованием участия словенцев в оккупации. Также в работе используются отрывки из писем родственникам триестского

1 *Melik V. Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor, 2002. S. 494–512; Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem // Ibid. S. 513–520; Luković P. Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878. Ljubljana, 1977.*

2 *Stergar R. Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka 1. svetovne vojne. Ljubljana, 2004.*

3 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. Ob petindvajsetletnici bosenske zasedbe. Celovec, 1904–1905. 2 zv. 384 s.*

словенца Ивана Манкоча, служившего в 22 пехотном полку, опубликованных И. Вогричем в 2016 г. в переводе с итальянского на словенский язык⁴.

Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. национально ориентированные словенцы восприняли с воодушевлением, полагая: «их свобода станет нашей», принесет пользу всем югославянам. Когда в империи стали появляться «христианские беженцы» из этих областей, в Загребе был основан благотворительный комитет, в работе которого участвовали хорваты, сербы и словенцы. Он «собирал пожертвования в деньгах, одежде, еде, а также поддерживал отряды восставших». Позже аналогичные комитеты появились в Любляне и в Триесте. Один из лидеров либералов и инициаторов благотворительной акции Й. Вошняк вспоминал, как помогал переправляться в Боснию словенским добровольцам, а дважды ему даже удалось тайно передать в Загреб мешки пороха для повстанцев⁵. На сторону повстанцев встал и либеральный «Словенски народ», за что немецкая газета «Laibacher Tagblatt», выступавшая за сохранение Османской империи «для стабильности и равновесия в Европе», даже назвала его «местным органом отрубания голов и носов»⁶.

Возглавлявшие правительство немецкие либералы выступали против расширения империи на Восток, опасаясь усиления в ней славянского элемента, который будет представлять угрозу дуализму, и выказывали симпатии к туркам. Люблянские немцы также считали, что «раздел Турции – неоправданная ошибка». Если он осуществится, то «вся сила славянства обрушится на Австрию»⁷. Император и поддерживавшие его консерваторы еще до начала восстания подумывали об усилении монархии путем присоединения Боснии и Герцеговины⁸. Предполагали возможность оккупации этих областей и некоторые словенские национальные деятели. Впрочем, ряд либералов в 1875–1876 гг. склонялся к мысли, что монархия не должна расширяться на Балканы, Босния пусть достанется Сербии, а Герцеговина – Черногории. Однако поражение сербских княжеств в войне с турками и русско-австрийское Рейхштадское соглашение 1876 г. о разделе сферы интересов на Балканах показали бесперспективность этих планов. Согласно решению Берлинского конгресса

4 *Vogrič I.* Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pism Ivana Mankoča // *Zgodovinski časopis*. 2016. Letn. 70. Št. 3–4. S. 314–336.

5 *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1982. S. 509–511.

6 *Matič D.* Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana, 2002. S. 153.

7 *Ibid.* S. 154.

8 *Melik V.* Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji... S. 494–495.

1878 г., Австро-Венгрия получила право на неопределенный срок занять территорию Боснии и Герцеговины.

К этому времени большинство словенских патриотов уже поддерживали будущую оккупацию Боснии и Герцеговины в убеждении, что она позволит увеличить численность славян в империи, повысить их влияние и тем самым приведет к краху системы дуализма⁹. Император, видя верность австрийских славян, пойдет навстречу их пожеланиям, и государство наконец будет реформировано в соответствии с принципами национального равноправия. Немалую роль сыграла и вера в то, что, присоединив эти территории, монархия выполнит свою миссию на Востоке, благое дело освобождения славянских братьев из-под ярма турок-иноверцев. Помимо этого, имелись и чисто практические соображения: новые земли открывали дополнительные экономические преимущества и возможности для трудоустройства словенских чиновников, учителей, ремесленников и крестьян. И, как справедливо подчеркивает словенский исследователь Р. Стергар, не следует забывать и об искреннем австрийском патриотизме словенцев, ярко проявившемся в ходе военной кампании¹⁰.

По словам американского историка И. Деака, армия Габсбургов «была гарантом мира между национальностями» и, помимо этого, «самим своим существованием замедляла процесс ассимиляции или смены национальности»¹¹. Другой американский исследователь, Д. Уновски, определяет ее роль как «школы патриотизма и династической лояльности»¹². Этому способствовала продуманная политика имперских властей. Согласно военной реформе 1868 г., хотя языком командования в австро-венгерской армии оставался немецкий (традиционно считавшийся показателем ее национальной нейтральности и наднациональности¹³) и каждый рекрут был обязан выучить на нем 80 основных команд и понятий, полки организовывались по языковому принципу, если в их личном составе преобладала какая-либо

9 *Luković P.* Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni... S. 348.

10 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 136.

11 *Deak I.* Assimilation and Nationalism in East Central Europe during the last Century of Habsburg Rule // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1983. Paper No 202. S. 5.

12 *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, Indiana, 2005. P. 3.

13 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 79. Подробнее о языковой политике в австро-венгерской армии см.: *Scheer T.* Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918). Wien, 2022.

национальность, язык которой входил в перечень десяти официально признанных. Так был организован и пехотный полк № 17 (Крайнский полк, полк крайних Янезов) в составе Второй горной бригады 7-й пехотной дивизии, большинство в котором составляли словенцы из Краины (в 1914 г. их было 86 %). В Каринтийском полку (7-й пехотный), где более 20 % личного состава было словенского происхождения, военное министерство в 1873 г. признало словенский язык вторым полковым языком и обязало немецких офицеров его выучить¹⁴. Аналогичное постановление было принято и для 47-го полка.

Политика властей была направлена на сосуществование династической лояльности и национальной идентичности¹⁵. Это видно и на примере словенских солдат, чей имперский патриотизм вполне успешно сочетался со словенским. Служивший в Крайнском полку Е. Андрейка, в 1878 г. заместитель сотника, привел в своей книге любопытный пример умной политики немецкого командования, направленной на укрепление австрийского патриотизма словенцев накануне похода в Боснию и Герцеговину. По словам Андрейки, перед отходом полка из Триеста, где он в то время размещался, нужно было придумать его новый гимн. Немецкий полковник Мирослав Пригер попросил Андрейку спеть ему несколько народных словенских песен. Тот спел их, и полковнику понравилась «Песня путника», она и стала полковым маршем. «Введением такого «марша» Пригер не только облегчил солдатам учебу, но и пробудил в них гордость и воодушевление, – писал Андрейка. – [...] Мелодия песенки, которую они выучили в детстве от матери и в школе и которую и позже часто напевали, сопровождала их на полях сражений»¹⁶. Полковые марши других словенских полков также основывались на словенских песнях¹⁷. И военную присягу солдаты давали на словенском языке¹⁸.

В военной кампании участвовало около 20 тыс. словенских воинов¹⁹, большинство из них входили в состав Крайнского полка Второй горной бригады 7-й пехотной дивизии. Служили словенцы и в 7-м Каринтийском пехотном полку в составе 6-й пехотной дивизии, участвовавшем во взятии Маглая и Сараева, в 22-м (полк Барон

14 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 106.

15 *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism... S. 9, 181.

16 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 17–18.

17 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 137.

18 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 22.

19 *Melik V.* Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem... S. 516.

Вебер), 27-м Штирийском и 47-м (полк Хартунг) пехотных полках, а также в 7-м, 10-м, 19-м и 33-м егерских батальонах.

На войну словенцы провожали соотечественников с воодушевлением, в Триесте и Любляне им устроили торжественные проводы. Вагоны, перевозившие солдат, были окрашены в национальные цвета, солдаты пели словенские песни. Словенские патриоты организовали благотворительные мероприятия в помощь семьям мобилизованных²⁰.

Оккупационная кампания началась 29 июля и длилась до 20 октября 1878 г. Австро-венгерская армия вошла в страну двумя основными потоками: с севера в Боснию вторгся XIII-й корпус главнокомандующего армией Йосипа Филиповича, в котором находились Крайнский полк, 7-й и 47-й резервные пехотные полки. Эти войска форсировали реку Сава у Брода, Костайницы и Градишки. Различные подразделения, в их числе и Крайнский полк, собрались в Баня-Луке и двинулись по дороге на левый берег реки Врбас. 7 августа под Яйце произошло генеральное сражение, в котором австро-венгерская пехота потеряла 600 человек. Город был захвачен. После занятия Травника Крайнский полк остался в этом городе, 7-й и 47-й полки двинулись дальше вместе с Филиповичем в направлении Брод – Дервент – Сараево. Они участвовали в битвах за Маглай, Жепче, во взятии Сараева. Вторая оккупационная сила, 18-я дивизия численностью 9000 человек под командованием генерала Стефана Йовановича, продвигалась из австрийской Далмации вдоль Неретвы. 5 августа она захватила Мостар, столицу Герцеговины. После падения Сараева 19 августа повстанцы отошли в гористую местность за городом и еще несколько недель оказывали там сопротивление. С юга из австрийской Далмации в Герцеговину продвигалась 18-я дивизия под командованием генерала Йовановича, в ее составе были и 7-й, 19-й, 33-й егерские батальоны. 5 августа она захватила столицу Герцеговины Мостар.

Тогда же, в начале августа, в словенской либеральной прессе – в основном в «Словенском народе», иногда и в либеральной газете триестских словенцев «Эдиност» («Edinost») – начали публиковать письма словенцев с фронта. Кто посылал корреспонденции в «Словенски народ»? В большинстве своем это были хорошо образованные и национально ориентированные офицеры, унтер-офицеры, врачи и фельдшеры, писем солдат было мало. Среди них были кадровые офицеры, рекруты, призванные в армию резервисты из рядов интеллигенции: юристы, врачи и представители других мирных профессий.

20 Ibid.

Многие описывали свою радость при случайной встрече на войне со знакомыми, с которыми вместе учились в Венском университете, передавали приветы оставшимся дома патриотам, некоторые были в приятельских отношениях с редактором «Словенского народа», писателем и журналистом Йосипом Юрчичем (1844–1881) и адресовали письма лично ему. Как, например, друг Юрчича сотник Крайнского полка Божидар Дреник (1831–?), один из наиболее активных корреспондентов «Словенского народа»²¹. Некоторые из воспоминаний подполковника Дреника через 25 лет привел в своей книге Е. Андрейка, и ряд эпизодов, кратко упомянутых Дреником в письмах с фронта, были освещены там подробнее.

В газете появился раздел «Из Боснии и Герцеговины», в котором помимо официальных сообщений часто печатались и письма словенцев с фронта. Естественно, все они проходили цензуру, публиковались не полностью, а с купюрами, иногда в пересказе редакторов. Большинство их авторов остались анонимными, но фамилии некоторых известны благодаря карандашным пометкам на страницах газеты (эти экземпляры газеты находятся в Национальной и университетской библиотеке Любляны). Судя по всему, разбором корреспонденций с фронта занимался педагог, историк литературы и редактор Фран Левец (1846–1916). Так, относительно обширного сообщения, опубликованного в «Словенском народе» 27–29 августа, сделана пометка: «Левец по письму Дреника»²², письмо словенского воина из Сараева отмечено как «Левец по письму Мунда»²³, письмо старшего врача-резервиста – как «д-р Унтерлеггарер»²⁴. Бывало, что автор письма не был известен и редакции газеты (см., например, пометку карандашом: «Левец по письму неизвестного» в номере от 30 августа²⁵). Иногда «Словенски народ» перепечатывал письма воинов, ранее опубликованные в «Эдиности»²⁶ или «Grazer Tagespost»²⁷.

О чем писали словенцы с фронта? Они освещали достаточно широкий круг проблем, связанных с проведением военной операции. Первое, что хотелось бы отметить, это их убежденность в справедливости оккупации и ее пользе для славянского дела. Словенцы

21 Slovenski narod. 28.08.1878. S. 2.

22 Ibid. 27.08.1878. S. 1.

23 Ibid. 01.09.1878. S. 1.

24 Ibid. 03.09.1878. S. 1.

25 Ibid. 30.08.1878. S. 1.

26 Ibid. 29.09.1878. S. 1.

27 Ibid. 20.08. 1878. S. 1.

верили в освободительную миссию австрийских славян по отношению к братьям, страдавшим под игом турок-мусульман. Подчеркивали они и роль славянского элемента в армии: «Из Крайны, словенской Штирии, Приморья, Далмации и Хорватии больше всего воинов. И почти все они славяне. Мы не ожидаем, что они займут область ради венгров или сторонников немцев, чего некоторые все еще опасаются»²⁸. Радовало словенцев и то, что командующие армиями Стефан Йованович (1828–1885) и Йозеф Филипович (1818–1889) были славянского происхождения и знали сербохорватский язык. Филипович, как писали в «Словенском народе», владел им «в совершенстве»²⁹. Когда главнокомандующего Филиповича отозвали из Боснии и Герцеговины в Вену, словенские патриоты были расстроены. «Словенски народ» с тревогой прокомментировал известие, что его отправляют в Прагу, а вместо него останется немецкий генерал: «Если это произойдет, славяне в Австрии увидят, что мы ошиблись в одной нашей большой надежде. Такой поворот в Боснии стал бы судьбоносным, открыл бы многим глаза, лишил последнего оптимизма»³⁰.

Как отмечал один из словенских офицеров, сначала «казалось, что наша армия почти не встретит сопротивления и что захват Боснии пройдет легко, но мы ошибались»³¹. Вскоре начались тяжелые бои. Е. Андрейка вспоминал: в начале операции «туркам еще не было запрещено носить оружие, а нам строго запретили входить в турецкие дома, пока турки будут вести себя мирно». Пленных в битве при Яйце турок освободили, и многие из них затем бежали в Сараево, чтобы продолжить сопротивление³². Сначала, до того как австро-венгерская армия столкнулась с ожесточенным сопротивлением турецких повстанцев, политика властей по отношению к туркам была достаточно гуманной. Военное положение генерал Филипович ввел 3 августа, после того как отряд гусар попал в засаду возле Магляя на реке Босна. Чрезмерно лояльное, на взгляд словенцев, отношение начальства к противникам вызвало у них множество нареканий. Так, один офицер писал из Травника: «Большой ошибкой мне кажется, что повсюду, куда мы приходили, в первые дни мы разрешали турецким воинам уйти с оружием; и они в благодарность за нашу

28 Ibid. 16.07.1878. S. 1. Передовица.

29 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 183.

30 *Slovenski narod*. 20.10.1878. S. 1.

31 Ibid. 15.08.1878. S. 1. Сообщение из Яйце.

32 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 30, 68.

любезность позже объединились с повстанцами и отправили на тот свет много наших. Эту ошибку наши уже осознали, но поздно, когда пролилось уже столько крови»³³.

Особое недовольство вызывали действия министра иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлы Андраши, которого обвиняли в заигрывании с турками. Словенцы считали, что он стремился «найти в турках новых союзников против славян»³⁴. «Это изначальное кокетство с мусульманами и это явное намерение наших политиков опираться на турецкий элемент как партию землевладельцев казалось всем славянским воинам гнуснейшим», – отмечал автор одного из писем³⁵. Обер-лейтенант Крайнского полка в сообщении из Яйце возмущался тем, что правительство (по настоянию венгров!) «милостиво обращалось» с турками, «охраняло права турецких бегов»³⁶, позволяя им занимать административные посты, «а райю»³⁷ и далее держало в рабстве»³⁸. Другой словенский офицер в конце сентября писал из оккупированного Травника: «Политическая ситуация нам совершенно не нравится. Всюду учреждения оставляют туркам, и многие остаются при старом хозяйстве. Турки ведут себя бесстыдно и отвечают на мирное поведение насмешками»³⁹.

Словенцы считали, что австрийская администрация в Боснии и Герцеговине должна быть славянской, это путь к сердцу боснийцев⁴⁰. Венгров они обвиняли в проведении не только туркофильской, но и провенгерской политики в оккупированных областях. «Большинство чиновников, которых собирались тут постоянно оставить, венгры, все, напечатанное на телеграфе и почте, на венгерском языке. Босния и венгерский официальный язык!» – возмущался в конце сентября один из авторов. Впрочем, ситуация, по его мнению, улучшалась: оказывая ожесточенное сопротивление оккупационным войскам, мусульмане

33 Slovenski narod. 28.08.1878. S. 2. «Сообщения друзей из Боснии». Продолжение. Ч. 4. Из Травника, 18.08.1878.

34 Ibid. 21.09.1878. S. 2. Из Травника.

35 Ibid. 27.08.1878. S. 2. В Травнике, 13.08.1878. Ч. 3.

36 Бег (бей) – крупный землевладелец, правитель округа.

37 Райя – в Османской империи так называлось податное сословие: крестьяне, ремесленники, торговцы.

38 Slovenski narod. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна о походе в Яйце первоначально было опубликовано в газете «Grazer Tagespost».

39 Ibid. 19.09.1878. S. 1.

40 Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem... S. 516.

себя дискредитировали, и теперь их лишат власти, и феодальная система будет уничтожена. «Каждый австриец ужасается проклятой турецкой банде, какой бы он ни был национальности», даже венгры больше «не выказывают симпатий к туркам, как раньше»⁴¹.

В письмах с фронта словенцы нередко подробно рассказывали о сражениях, в которых принимали участие (о битвах при Варцар Вакуфе, Яйце, Сараеве, Жепче, Маглае, Црнице и Груде⁴²). При этом они всегда подчеркивали храбрость словенских воинов, значимость их подвига для достижения общей победы. Так, в сообщении из Яйце о битве с турками у села Езеро 7 августа на пути к Вакуфу офицер Крайнского полка писал: «Только благодаря редкой храбрости и упорству наших воинов противник был блистательно побежден». «Наши замечательные крайнские парни вели себя как настоящие герои и больше всего помогли славной победе». Отметил он и то, что храбро сражались также [...] хорваты»⁴³. Описывая битву под Яйце, неизвестный автор также упомянул о «достойной восхищения непоколебимости и храбрости нашего полка»⁴⁴. Во многих письмах словенцы сообщали соотечественникам о подвигах того или иного словенского воина, приводили сведения о павших и раненых бойцах⁴⁵.

Такие письма, прошедшие цензуру и опубликованные в «Словенском народе», содержали определенный национальный посыл и соответствующую мотивацию. В личной переписке люди высказывались откровеннее. Для некоторых молодых рекрутов боевые столкновения стали шокирующим опытом. Так, например, в письме к родным И. Манкоч рассказал о своем «крещении огнем», когда в середине августа его полку пришлось отражать нападение турецких повстанцев на занятую австро-венгерскими войсками Баня-Луку, а потом в городе начался пожар, с которым четыре дня не могли справиться. После боя «я [...] видел только пепел, мертвых коней и турок. [...] Так как у меня чувствительный желудок, я не мог смотреть на все эти ужасы, резню

41 Slovenski narod. 21.09.1878. S. 2. Из Травника.

42 См.: Ibid. 11.08.1878. S. 1; 15.08.1878. S. 1; 20.08.1878. S. 1; 27.08.1878. S. 1–2; 28.08.1878. S. 2; 01.09.1878. S. 1–2; 07.09.1878. S. 1; 12.09.1878. S. 2–3; 05.09.1878. S. 2; 26.09.1878. S. 2.

43 Ibid. 15.08.1878. S. 1.

44 Ibid. 27.08.1878. S. 2. Острог у Яйце, 09.08.1878. Ч. 2.

45 См., напр.: Ibid. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна о походе в Яйце; 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Карандашная пометка: «Левец по письму Дреника». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1. О бое у Рогеля 05.08.1878. Близ Варцар Вакуфа.

и пр. Проходя мимо, я закрыл руками глаза»⁴⁶. А 5 сентября, сообщая о грядущем сражении за г. Ключ, он писал: «Завтра нас посылают в пекло. Это страшно, я не пожелаю такого никому на свете. Надеюсь, мы выкрутимся»⁴⁷. Манкоч не пытался храбриться и выставять себя перед родственниками в лучшем свете, он описал свои реальные чувства: война вызывала у него страх и отвращение.

Некоторые авторы писем выражали недовольство сообщениями об оккупационной кампании в немецкой прессе. По их мнению, далеко не все из них были правдивы: «особенно пренебрегают нами, словенцами, или лишь кратко упоминают» в описаниях битв. Например, они считали, что именно словенские (и славянские) полки сыграли основную роль в победах при Жепче и Маглае. «А немецкие полки в большинстве подошли уже после нас, когда все уже было сделано»⁴⁸. Словенский офицер в письме из Травника высказался еще резче: «Нас злит, что немецкие газеты сообщают о наших битвах так поверхностно и лживо». И выразил сожаление, что словенские патриоты не имеют своего корреспондента в Вене⁴⁹. Убежденность в том, что словенские подразделения сыграли существенную роль в победах армии, разделяли многие. И через 25 лет Андрейка приписывал главную заслугу в победе при Яйце 17-му и 53-му пехотным полкам⁵⁰.

В письмах, опубликованных в «Словенском народе», содержатся сведения и о том, как относились словенские воины австро-венгерской оккупационной армии к населению Боснии и Герцеговины. Согласно традиции, возникшей еще в XV–XVII вв., в период боев с турками, и укрепившейся во время австрийско-турецких войн XVIII в., мусульман словенцы воспринимали как представителей враждебного христианам турецкого господства, а к поработанным ими католикам и православным испытывали симпатию. Как отмечает В. Мелик, они в целом придерживались политической линии, проводившейся Австро-Венгрией: сопротивление оккупации может быть лишь со стороны турок, Сербия, Черногория, славяне Боснии и Герцеговины не возражают против нее⁵¹.

46 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 322. Письмо из Баня-Луки, 22.08.1878.

47 *Ibid.* S. 325.

48 *Slovenski narod*. 12.09.1878. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника. S. 3.

49 *Ibid.* 28.08.1878. S. 1. Продолжение. Из Травника, 18.08.1878. Ч. 4.

50 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 58.

51 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 518.

Во многих корреспонденциях встречаются описания того, как радовалось христианское население приходу австро-венгерских войск, воспринимая его как освобождение от гнета иноверцев. Автор письма о захвате г. Мостара сообщал: «Когда мы маршировали в Мостар, нас везде торжественно и радостно приветствовали» и кричали «Да здравствует император Франц Иосиф!»⁵². Другой словенский воин (подписавшийся «F...s»), участвовавший во взятии Сараева, отмечал: «Христиане нам очень обрадовались, начали звонить в колокола»⁵³. Воин, чья часть была расположена в лагере у Столаца в Герцеговине, отметил, что жители Столаца «на вид очень приветливы, добровольно давали солдатам воду и вино, точно так же было и во всех тех деревнях, через которые проходила армия»⁵⁴. Один из офицеров также вспоминал, что в Горни-Вакуфе «христиане радовались приходу австрийских воинов», а крестьяне из окрестных деревень принесли в лагерь «много фруктов, молока и яиц. Солдаты ели целый день». Упомянул он и об одном любопытном факте, свидетельствующем о том, что местные крестьяне связывали с приходом австрийских войск надежды на улучшение своего экономического положения. Так, старейшины нескольких деревень вручили ему написанный на смеси кириллицы и латиницы адрес императору, в котором выражали благодарность за оккупацию и просили облегчить им жизнь⁵⁵.

При этом в ряде писем прослеживается разное отношение авторов к местным католикам и православным. Словенцы, как католический народ, прежде всего отдавали предпочтение католикам, православных жителей Боснии и Герцеговины они воспринимали с некоторой настороженностью, а подчас и пренебрежением. «Многие жители пришли к нам в казарму и отдали нам оружие, конечно, все они католики», — отметил офицер в письме из Сараева⁵⁶. В письме офицера из Травника подчеркивалось, что приходу оккупационных войск «особенно радовались католики; православные часто никчемные, которые стреляют

52 Slovenski narod. 15.08.1878. S. 2. Из Мостара. Сообщение из частного письма от 07.08.1878.

53 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

54 Ibid. 10.09.1878. S. 3. Лагерь у Столаца в Герцеговине, 23.08.1878. Сообщение из достоверного источника.

55 Ibid. 26.09.1878. S. 2. Письмо словенского офицера из Бугойно близ Травника от 12.09.1878.

56 Ibid. 02.09.1878. S. 3. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

в нас вместе с турками»⁵⁷. Последняя тема – об участии в сопротивлении славян – время от времени все же проскальзывала в корреспонденциях словенцев. Как и переживания по поводу того, что многие славяне являются магометанами⁵⁸. Вместе с тем авторы писем находили смягчающие их вину обстоятельства: «христиан заставляют сражаться против нас турецкие главары и повстанцы»⁵⁹. Словенский офицер сообщал из Травника: «Печально, что и некоторые славяне, которых мы пришли освобождать, воюют против нас. Но их мало и надеемся, что станет еще меньше. Некоторые из них слепы и не понимают, что делают, другим турки угрожали смертной казнью, если они не хотели вступить в ряды турецких повстанцев»⁶⁰. Вывод одного из авторов (по-видимому, Дреника) относительно населения оккупированных областей был довольно пессимистичен: «Боснийские беги и их приверженцы – злобные, фанатичные отбросы. Но и христиане из-за долгого рабства под турецким ярмом мало просвещены»⁶¹.

Но если поведению поработанных турками славян словенцы находили оправдания, то менталитет турок и их традиционные способы ведения военных действий, противоречившие сложившейся у европейцев системе ценностей, чем дальше, тем больше вызывали у них ненависть и отвращение. Возмущение вызывало у словенцев лицемерие турок, не оценивших первоначально гуманное отношение к ним оккупантов. По рассказам сотника Дреника, приведенным в книге Е. Андрейки, австрийским солдатам турки «без возражений продавали дрова, сено и другие нужные вещи, только о сдаче оружия ничего не хотели слышать», ссылаясь на то, что все его забрали повстанцы. Дреник вспоминает, что не поверил в это. Но его попытки прояснить ситуацию с оружием долго оставались безуспешными, пока 15-летний парнишка не сказал ему тайком, что турки оружия не отдадут, поскольку собираются сражаться против австро-венгерских войск. Он указал на дом бега, который, предположительно, мог хранить оружие. Командир батальона разрешил провести обыск, оружие нашли,

57 Ibid. 27.08.1878. S. 2. «Сообщения друзей из Боснии». В Травнике, 13.08.1878. Ч. 3.

58 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 519.

59 Slovenski narod. 01.09.1878. S. 1–2. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда». Подпись «F...s».

60 Ibid. 28.08.1878. S. 2. Продолжение. Из Травника, 18.08.1878. Ч. 4.

61 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1. Карандашная пометка: «Левец по письму Дреника».

бега арестовали. «Уже в тот же день турки начали добровольно сдавать оружие». За несколько дней набралось 8 возов. В Травнике бега судили, приговорили к заключению в тюрьме на 3 года, но позже помиловали⁶². Аналогичный эпизод привел в письме из Бугойно, опубликованном в «Словенском народе», один из словенских офицеров: «Турки утверждали, что у них нет оружия, повстанцы его уже отобрали. [...] Но мне тайно рассказал один крестьянин-католик, что то, что они говорят, неправда, и указал на некоторых турок, которые якобы скрыли оружие». Офицер обыскал их дома, нашел там много оружия, арестовал богатого турка и объявил, что его расстреляют. Турки испугались и на следующее утро сдали все оружие⁶³.

Но это были примеры пассивного сопротивления османцев. Уже в августе стало появляться все больше сообщений о зверствах мусульман. Капрал, лежавший раненый в больнице Баня-Луки, в письме родным, опубликованном в «Словенском народе», так выразил свое возмущение происходившим: «Турки страшно мучают наших раненых и взятых в плен солдат; связывают их, отрезают носы, уши. Это не люди, а звери. Их надо полностью истребить»⁶⁴. Солдат ужасала перспектива попасть в руки турок. Манкоч в письме родным о битве за Ключ упомянул: «Наши, раненные во время боя, просили своих товарищей убить их, поскольку боялись, что иначе их зарежут турки»⁶⁵.

В письме из Мостара словенский артиллерист привел более жесткий пример турецкого «коварства». Он рассказал историю о якобы безобидном старике, которого их начальник подразделения отпустил на свободу, а тот оказался одним из повстанцев, сообщил своим о расположении отряда и помог организовать на него нападение. «Зверские турецкие кровопийцы виной тому, что наши воины более не сдерживают свой гнев»⁶⁶, – считал он. Негодование артиллериста «подлостью» турок разделялось многими словенцами. «Если подумать, как хорошо мы сначала обращались с турками и как они сейчас на это отвечают, можно понять злость и раздражение наших парней», – писал один из словенских офицеров. Примечательно, что, когда

62 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 105–107.

63 Slovenski narod. 26.09.1878. S. 2. Письмо словенского офицера. Бугойно близ Травника, 12.09.1878.

64 *Ibid.* 28.08.1878. S. 2. Письмо капрала семье из Баня-Луки, 22.08.1878.

65 *Vogrič I.* Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča... S. 330. Письмо из Ключа, 16.09.1878.

66 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 2. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

он упрекнул солдата из Верхней Крайны в чрезмерно жестокой расправе над пленными турками, тот возразил ему: «И что? Разве турки поступали иначе, когда приходили в Крайну грабить и жечь?»⁶⁷ Очевидно, многими словенскими солдатами нынешняя борьба австрийцев с турками воспринималась как традиционное продолжение их многовекового противостояния.

Все большее ожесточение охватывало словенских воинов. Один из офицеров в своем сообщении о битве за Сараево подчеркнул, что сражениям не будет конца, «пока мы не перебьем всех турецких собак»: «Каждый день мы имеем честь убивать пленных турок, которые в нас стреляли, для некоторых виселицы, для других свинец!» И методично перечислил, кого из турок расстреляли, кого повесили⁶⁸. Унтер-офицер санитарной службы, описывая бои при Црниче и Груде, упомянул: «Деревни в этом краю вплоть до Столаца мы все сожгли»⁶⁹. Как с грустью отмечал в письме из Добоя врач-резервист д-р Унтерлеггарер, на войне «происходят ужасные вещи, и человек тут [...] теряет всю гуманность и человеколюбие»⁷⁰.

«Мусульманские собаки страшно расчлениют наших воинов, а мы должны хорошо обращаться с этими кровожадными азиатами?»⁷¹ Этот вопрос задавали себе многие словенцы. Словенская пресса в период проведения оккупации вообще очень много писала о жестокости турок, из-за чего и на словенских землях случались эпизоды проявления враждебности к пленным туркам со стороны местного населения⁷². Так, в «Словенском народе» была опубликована заметка о конфликте, произошедшем в начале сентября на железнодорожной станции Зидани Мост, где была запланирована остановка поезда, перевозившего пленных турок. На станции в то время оказались 300 солдат Крайнского полка, направлявшихся из Любляны в Боснию. Когда поезд прибыл, словенские солдаты стали выкрикивать угрозы

67 Ibid. 30.08.1878. S. 2.

68 Ibid. 12.09.1878. S. 2. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

69 Ibid. 05.09.1878. S. 2. Из Мостара, 28.08.1878. Частное письмо унтер-офицера санитарной службы.

70 Ibid. 03.09.1878. S. 1. Частное письмо резервного старшего врача в батальоне. Карандашная пометка: «д-р Унтерлеггарер». Отделение Сцапари. Добой, 20.08.1878.

71 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

72 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 517.

туркам. Во избежание эксцессов турок не стали выпускать из вагонов, поезд отъехал от станции. И лишь когда словенские воины уехали, пленных вновь привезли на станцию и накормили. Автор заметки постарался настроить словенскую общественность на мирный лад. Упомянув, что многие считают, что турки не заслуживают, чтобы их кормили, «да еще и так хорошо», он пояснил: «Они военнопленные, и с ними как таковыми мы не должны жестоко обращаться»⁷³.

В письмах словенских офицеров и солдат немалое место занимают описания тягот армейского быта и походов, недостатков снабжения армии. Не все они были разрешены к печати цензурой, но в целом авторы могли достаточно открыто писать о многих проблемах, с которыми столкнулась австро-венгерская армия при проведении военной операции. Что прежде всего беспокоило солдат? В большинстве писем они жаловались на голод и жажду: «У нас совсем нет еды, так как провиант из-за плохих дорог не успевает за нами. Питаемся печеной кукурузой и луком»⁷⁴; «уже 48 часов я не ел, 4 дня не пил ни капли вина»⁷⁵. С резкой критикой работы интендантской службы выступил словенский офицер из полка Хартунг бригады Мюллера. Он пишет, что при переправе полков через Саву из-за страшной жары и изнурительного марша «сегли по дороге 1500 чел. из полка Мароевича, 600–700 Бельгийцев, от нашего полка 150; 30 умерли. Виною тому – то, что мы пришли в Дервент голодные и испытывающие жажду, но и тут мы ничего не получили, поскольку провиант из-за сильной бури отстал. Промокшие до костей, голодные, мы легли в лужи; о наших желудках позаботились только на следующий день пополудни!»⁷⁶

Неблагоприятные погодные условия (то жара, то дожди, то буря и ночной холод), гористая местность и отсутствие дорог также сильно усложняли поход. Словенский артиллерист писал, что путь на Мостар стал для словенцев «наихудшим маршем. Турецкая дорога в таком плохом состоянии, что возы с мундиром падали с дороги вниз по горе, и если бы мы дважды вовремя не перерезали вожжи, увлекли бы за собой коней и людей»⁷⁷. «То, как мы тут страдаем, страшно; мы уже едва

73 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 3–4. Сообщение о событиях на Зиданом Мосте 07.09.1878.

74 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1.

75 Ibid. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна.

76 Ibid. 07.09.1878. S. 1–2. Письмо словенского офицера из Сараева, 29.08.1878.

77 Ibid. 23.08.1878. S. 3. Из Мостара. Выдержка из письма артиллериста от 14.07.1878.

похожи на людей. Каждый день дождь, и на дорогах болото по колено. Мы обычно маршируем с 5 утра до 3 или 5 вечера, иногда и по три часа вечером»⁷⁸, – жаловался один из офицеров. О походе на Сараево офицер из полка Хартунг отзывался как об очень утомительном. Солдаты были целый день голодные, готовили ночью на привале еду, если ее удавалось достать, а через пару часов подъем. «Я и другие мои товарищи так изменились, что никто бы нас не узнал; мы черны как мулаты, одни кости. Хлеба мы, хартунговцы, не видели уже неделю»⁷⁹. Сражения, тяжелые условия жизни, в том числе ночевки на голой земле, вызывали различные болезни. «Обычные болезни солдат – лихорадка и понос, врачи говорят, что от воды», отмечал в письме «F...s»⁸⁰. Унтер-офицер санитарной службы писал из Мостара, что мечтает об отдыхе, «мы уже так изнурены, что сейчас не способны ни к какой операции»⁸¹. Усталость накапливалась, воины мечтали поскорее вернуться домой. И. Манкоч писал родным в середине октября 1878 г. из г. Ключ, что солдаты ждали отъезда на родину, но начальство отпустило только резервистов. Оставшиеся солдаты даже старались заболеть и попасть в больницу, надеясь, что тогда их быстрее отправят домой⁸².

Угнетало воинов и то, что известия с родины они получали редко и нерегулярно. Почтовая служба в Боснии и Герцеговине была организована слабо. Словенский офицер в сообщении из Сараева жаловался, что письма идут долго, около месяца, и приходят нерегулярно: «если бы у нас не было военной почты, мы не получали бы вестей с дорогой нашей родины»⁸³. «Что происходит в Герцеговине, Травнике и Сараеве, мы не знаем, – писал из Добоя врач-резервист Унтерлеггарер. – Газет я не видел с тех пор, как отбыл из Любляны». Он косвенно отмечал и необходимость тщательно продумывать содержание писем во избежание проблем с цензурой: хотел бы написать много чего,

78 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1.

79 Ibid. 01.09.1878. S. 1. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

80 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878. (Начало см. в: Ibid. 12.09.1878. S. 2–3. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.)

81 Ibid. 05.09.1878. S. 2. Из Мостара, 28.08.1878. Частное письмо унтер-офицера санитарной службы.

82 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 331.

83 *Slovenski narod*. 12.09.1878. S. 2. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

но «вынужден рассказывать только поверхностно», если хочет, чтобы адресат получил его письмо⁸⁴. Некоторые резервисты волновались, примут ли их на прежнюю службу по возвращении домой. «Я не получаю свою прежнюю оплату как чиновник, приходится жить от того, что приносит военная служба», – писал офицер из Добоя⁸⁵.

В нескольких сообщениях рассказывалось о быте и службе солдат Крайнского полка в оккупированном Травнике. В письме от 1 сентября анонимный автор кратко перечислил их занятия: разоружали турок в окрестностях, сжигали деревни, питались хлебом и водой, если их удавалось достать⁸⁶. Чуть более подробные сведения представил через несколько дней другой словенец. Около 6000 солдат были расквартированы в казармах и частных домах. Боевых столкновений не происходило, поэтому они занимались патрулированием и охраной, регулярно проводились рекогносцировки и военные учения. Рубили дрова, ремонтировали дороги, рыли окопы⁸⁷.

Какими же были общие впечатления словенцев о Боснии и Герцеговине? В своих письмах они затрагивали эту тему не часто и весьма поверхностно. «Красивую область мы для вас завоюем, и хороших людей!» – писал соотечественникам словенский воин из Сараева⁸⁸. В некоторых письмах упоминалось, что хотя области эти красивы и плодородны, но хозяйство в них ведется плохо из-за порабощенности райя и гнета мусульман: «Босния красивая и плодородная земля, но народ страшно бедствует»⁸⁹. О городах отзывались по-разному. Например, Травник словенец из Крайнского полка характеризует так: «Город Травник довольно большой, а население совсем турецкое, поэтому все захудалое и грязное. За исключением четырех или пяти домов, все остальные деревянные. [...] Вообще этот город производит на австрийца странное впечатление, так как на улицах одна грязь, и не видно никаких женщин, кроме старой сербки». Он жаловался, что в Травнике нет ни одной корчмы, в лавках мало продуктов, вина и пива нет, водки мало, привозят ее

84 Ibid. 03.09.1878. S. 1. Частное письмо резервного старшего врача в батальоне. Карандашная пометка: «д-р Унтерлегарер». Отделение Сцапари.

85 Ibid. 08.09.1878. S. 1. «Из Боснии и Герцеговины». Письмо знакомого из Добоя от 02.09.1878.

86 Ibid. 10.09.1878. S. 2–3. «Из Боснии и Герцеговины».

87 Ibid. 21.09.1878. S. 1. Сообщение из достоверного источника. Травник, 06.09.1878.

88 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

89 Ibid. 15.08.1878. S. 2. Сообщение из Яйце.

из Триеста⁹⁰. На грязь и дороговизну продуктов в Бая-Луке жаловался И. Манкоч (письмо от 11 августа)⁹¹. Более благоприятные отклики были о Сараеве и его жителях. Город показался словенцам красивым, и одним из лучших его зданий был правительственный дворец, где устроил себе резиденцию главнокомандующий Филипович⁹². Отмечали, что в Сараеве «много мечетей и две сербские церкви, [...] жители, что касается сербов и боснийцев, в основном цивилизованны и хорошо одеты. [...] Дома низкие, улицы узкие, между домами фруктовые сады»⁹³. Однако, как и Травник, Сараево оставляло ощущение неухоженности. «Когда же зайдешь в дом, измажешься в грязи», улицы грязные, на них множество истощенных собак и кошек⁹⁴. Словенский артиллерист в письме из Мостара подытожил общие впечатления об оккупированных землях: «Босния и Герцеговина действительно убогие области, и потребуются благоприятное воздействие долговременного мира, чтобы они вновь ожили»⁹⁵. На восприятие словенскими воинами Боснии и Герцеговины влияло и то, что для многих они ассоциировались с кровопролитными боями с повстанцами и трудностями военного похода. Так, Иван Манкоч 16 сентября написал в письме родственникам из города Ключ, незадолго до этого занятого 22 полком после трехдневной битвы: «Край очень романтичен для путешественника, но для меня и для всех нас очень неприятен»⁹⁶.

Подводя итог, можно сказать, что в письмах с фронта словенских солдат и офицеров затрагивался достаточно широкий спектр проблем – от австро-венгерской политики и хода оккупационной кампании до бытовых тягот солдат во время войны и их настроений. В них ярко проявился как общеавстрийский, так и национальный патриотизм словенских воинов, а также их неприятие политики венгров и стремление к усилению славянского элемента в монархии. Довольно выпукло проявились и некоторые особенности «европейского менталитета» словенцев, выразившиеся прежде всего в их оценках происходящих событий, неприятии распространенных у турок традиций ведения войн и глубинной убежденности в непреодолимой пропасти

90 Ibid. 08.09.1878. S. 1. «Из Боснии и Герцеговины». Письмо знакомого из Добоя от 02.09.1878.

91 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 320.

92 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878.

93 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо словенского воина из Сараева, 21.08.1878.

94 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878.

95 Ibid. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

96 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 330.

между христианами и мусульманами, а также в характеристиках османских областей с точки зрения людей, воспитанных на основе других цивилизационных ценностей. Естественно, никаких более-менее полных описаний происходивших событий, а тем более их глубокого анализа в этих письмах, как, впрочем, и во всей словенской печати того времени, не содержится. Однако они ценны тем, что дают представление о надеждах и чаяниях патриотически настроенных словенцев конца 1870-х гг., о некоторых особенностях их мировосприятия. Они представляют собой некий срез, показывающий специфику восприятия оккупации определенным слоем общества – словенскими представителями австро-венгерской армии – в один из судьбоносных для империи исторических моментов.

Источники и литература

Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. Ob petindvajsetletnici bosenske zasedbe. Celovec: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1904–1905. 2 zv. 384 s.

Deak I. Assimilation and Nationalism in East Central Europe During the Last Century of Habsburg Rule // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1983. Paper No. 202. P. 1–18.

Luković P. Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878. Ljubljana: SAZU, Zgodovinski inštitut Milka Kosa, 1977. 416 s.

Matič D. Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002. 466 s.

Melik V. Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 494–512.

Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 513–520.

Slovenski narod. 1878.

Scheer T. Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918). Wien: Heeresgeschichtliches Museum, 2022. 432 s.

Stergar R. Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka 1. svetovne vojne. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultet v Ljubljani, 2004. 281 s.

Unowsky D. L. The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2005. 263 p.

Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 2016. Letn. 70. Št. 3–4. S. 314–336.
Vošnjak J. *Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1982. 701 s.

References

Deak, I. "Assimilation and Nationalism in East Central Europe During the Last Century of Habsburg Rule." *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 1983, no 202, pp. 1–18.

Luković, P. *Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878*. Ljubljana: SAZU, Zgodovinski inštitut Milka Kosa, 1977, 416 p.

Matić, D. *Nemci v Ljubljani 1861–1918*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002, 466 p.

Melik, V. "Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu." Melik, V. *Slovenci 1848–1918: razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, 2002, pp. 494–512.

Melik, V. "Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem." Melik, V. *Slovenci 1848–1918: razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, 2002, pp. 513–520.

Scheer, T. *Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918)*. Wien: Heeresgeschichtliches Museum, 2022, 432 p.

Stegar, R. *Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka I. svetovne vojne*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultet v Ljubljani, 2004, 281 p.

Unowsky, D. L. *The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2005, 263 p.

Vogrič, I. "Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča." *Zgodovinski časopis*, Ljubljana, 2016, no 3–4, pp. 314–336.

Vošnjak, J. *Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1982, 701 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

L. A. Kirilina

Letters from the Front by Slovenian Officers and Soldiers Participating in the Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878

Liubov A. Kirilina

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5272-8077

Citation

Kirilina L. A. Letters from the Front by Slovenian Officers and Soldiers Participating in the Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878 // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 98–119 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

Received: 20.01.2026.

Revised: 10.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article examines under-researched aspects of Slovene attitudes toward the Austro-Hungarian occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878, specifically analyzing the contents of letters from the front written by Slovene officers and soldiers. The focus is primarily on letters published in August–September 1878 in the Slovene liberal newspaper *Slovenski narod*, but a number of other sources are also used. Letters from Slovenes at the front raised a wide range of issues: Austro-Hungarian policy of the period, the progress of the occupation campaign, the attitudes of Slovene soldiers in the Austro-Hungarian army toward the Christian (Catholic and Orthodox) population of Bosnia and Herzegovina and the Turks, their everyday hardships and sentiments, their general impressions of the occupied territories, and so on. Based on these letters, the author identifies certain characteristics of the “European mentality” of Slovenes, expressed in their assessment of events, their rejection of Turkish traditions of warfare, and their deep-seated conviction in the unbridgeable gulf between Christians and Muslims. The letters do not provide a precise and complete description of the events, nor do they offer a serious analysis. However, their content allows us to judge the hopes and aspirations of patriotic Slovenes in the late 1870s, as well as the specific perceptions of the occupation by Slovene soldiers of the Austro-Hungarian army.

Keywords

Austria-Hungary, occupation of Bosnia and Herzegovina (1878), Austro-Hungarian army, Slovene officers and soldiers, Slovenski narod newspaper, Catholics, Orthodox, Muslims.